

И.В. Грузинов¹

Маяковский и литературная Москва

12

Союз поэтов систематически и неуклонно посещал Велимир Хлебников. Это было года за два или за три до смерти поэта. Целую зиму Хлебников почти каждый день в сумерки появлялся в кафе «Домино». Он проходил во второй зал кафе и садился за миниатюрный столик, стоявший у окна.

Сидел один.
Всегда один.
Ему подавали обед.
Он молча съедал его.

Денег не платил: получал бесплатный обед; президиум Союза поэтов регулярно выдавал неимущим поэтам талоны на обед.

Хлебников носил шубу. Шапку.

Ни шубы, ни шапки он в кафе «Домино» никогда не снимал.

Шуба на Хлебникове была с чужого плеча. Овчинная. Тяжелая. Архаическая. Новой эта шуба была не позже конца, а может быть и середины, минувшего века.

Цвет лица Хлебникова в тон цвету его шубы: лицо бледно-серое, с зеленоватым оттенком.

Цвет волос: неопределенный.

Глаза: невидящие.

Казалось, он смотрит и не замечает ни одного из окружающих его предметов, смотрит и не замечает никого из окружающих его людей.

У Хлебникова беспримерная рассеянность, безумная рассеянность.

Нет, это не рассеянность. Это нечто большее: равнодушие ко всему и ко всем.

Но это не равнодушие эгоиста, а невольное и неизбежное, безразличие поэта и философа, который покончил в жизни со всем и со всеми, который всецело поглощен своими мечтами и мыслями.

Это подлинный и полный уход человека из мира действительности в мир мысли и мечты.

Велимир Хлебников последнего периода своей жизни несколько не был похож на его фотопортреты, по крайней мере на те из них, которые я видел.

На портретах, виденных мною, лицо Хлебникова имеет очень определенные, почти строгие формы и очертания. В действительности в тот период времени, в который я его наблюдал, Хлебников был совсем другим человеком.

При взгляде на поэта трудно было определить его возраст.

Казалось: ему очень много лет.

При виде Хлебникова чаще других его стихотворений приходило на память одно, в котором есть следующие строки:

Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.

Невольно хотелось внести поправку в этот стихотворный текст:

¹ Грузинов Иван Васильевич — поэт и критик; в 1919 вступил в группу имажинистов, которую покинул вместе с Есениным в 1924.

Вне времени жило лицо.

Впрочем, смертельно-бледное лицо Хлебникова было настолько бесформенным и неопределенным по своим очертаниям, что условно можно было отнести к его лицу слова цитируемого стихотворения без всяких изменений:

Вне протяжения жило лицо.

Хлебников всегда молчал.

Многим из поэтов, видевших Хлебникова, было неизвестно, какой у него голос.

Отчетливей всего у меня в памяти: Хлебников в сумерках, Хлебников, как полумертвец, безмолвно сидящий за миниатюрным столиком в кафе «Домино».

13

Президиум Союза поэтов устроил однажды в кафе «Домино» выступление Велимира Хлебникова.

Помню: был ранний вечер, была написанная от руки афиша, была при входе в «Домино» продажа билетов.

Хлебников появился на эстраде в своей тяжелой шубе. Без шапки.

Он сидел на эстраде за столиком. Перед ним на столике — груда рукописей.

Глядя в заранее приготовленную для чтения рукопись, Хлебников открыл вечер поэзии.

Сначала он читал сравнительно громко: кое-что можно было расслышать, кое-какие стихотворные фразы можно было понять. Но постепенно голос его становился все глуше и глуше, пока не перешел, наконец, в тихий лепет и невнятное бормотанье.

Через несколько минут, прошедших с начала его выступления, поэт, по-видимому, совсем забыл о слушателях. Он перебирал свои рукописи, путался в них. Вскоре — перед ним беспорядочный ворох рукописей. Затем — это уже и не ворох рукописей: это хаос.

Окончательно запутавшись в рукописях, поэт извлекал одну из них наугад и начинал читать. Не дочитав до конца, возвращал ее в родимый хаос.

Слушателями Хлебникова в этот вечер были почти без исключения стихотворцы. И несмотря на это, они один за другим тихо, но решительно стали покидать зал.

Зал наконец опустел. Два-три человека, оставшиеся на местах, по-видимому, были ярыми поклонниками Хлебникова. Кроме почитателей поэта, один человек оставался в зале по обязанности: это был дежурный член президиума Союза поэтов.

Через месяц или два президиум Союза поэтов снова устроил литературный вечер Велимира Хлебникова.

Второй вечер был таким же неудачным, как и первый.

С тех пор Хлебникова оставили в покое. О Хлебникове в президиуме Союза поэтов говорили только тогда, когда нужно было возобновить выдачу ему бесплатных обедов или когда нужно было взять у поэта стихотворение для издающегося коллективного литературного сборника или альманаха.

14

Зима подходила к концу.

Был ранний вечер.

Сквозь большие, почти сплошные окна первого зала «Домино» проникали закатные лучи.

Хлебников сидел в комнатке президиума Союза поэтов. Он был в шубе, но без шапки.

Горел яркий электрический свет.

Против Хлебникова сидел только один человек; этот человек был журналист.

Я пишу мемуары, а не роман.

Поэтому я не имею права описывать действующих лиц, не присутствуя при их действиях своей собственности персоной. Поэтому, само собою разумеется, в комнатке президиума Союза поэтов в качестве третьего действующего лица присутствовал я.

Впрочем, я бездействовал: я созерцал.

Я наблюдал необыкновенную сцену.

Журналист, более или менее близкий знакомый Хлебникова, интервьюировал поэта.

Журналист хотел узнать: в чем заключается философское credo Хлебникова? Точнее, журналист хотел узнать: к каким философским выводам пришел Хлебников в самое последнее время?

Журналист задал первый вопрос.

Поэт ничего не ответил.

Казалось: Хлебников находится где-то очень далеко. Казалось: контакт между поэтом и журналистом невозможен.

Журналист, видоизменив вопрос, повторил его.

Ответа не последовало.

Журналист упрямо продолжал задавать вопросы поэту.

На третий вопрос журналиста Хлебников невнятно и лаконически ответил: «Да». На четвертый опять: «Да». На пятый: «Нет». На шестой: «Да». На седьмой вопрос последовала в ответ небольшая, но точно сформулированная фраза.

Казалось: Хлебников двинулся из мира мысли и мечты, в котором он жил, в реальный мир. Поэт подошел к грани, отделяющей мир мысли и мечты от мира действительности. Подошел и остановился «на пороге как бы двойного бытия».

Журналист поставил новый вопрос.

В ответ опять последовала целая фраза.

По лицу журналиста скользнула едва уловимая улыбка, он был доволен достигнутыми успехами.

Журналист задавал вопросы. Поэт четко отвечал на них.

Через несколько минут Хлебников снова на все задаваемые ему вопросы отвечает только односложными «да» или «нет». Затем поэт замолкает.

За все время разговора с журналистом поэт ни на йоту не изменился. Не было заметно ничего похожего на возбуждение, не было заметно ничего похожего на румянец. Лицо поэта оставалось таким же, каким было всегда: бледно-серым, с зеленоватым оттенком.

Разговор журналиста с поэтом, если эту странную процедуру можно назвать разговором, мне невольно напомнил один из страшных рассказов Эдгара По «Факты в деле мистера Вальдемара».

Казалось: журналист отлично играет роль человека, проделывающего месмерический опыт над своим умирающим другом. У журналиста прекрасный партнер: Велимир Хлебников неподражаемо играет роль умирающего мистера Вальдемара в пьесе, изготовленной по рассказу Эдгара По.